

# С верой в человека

В роли, сыгранной Ниной Мамаевой на пороге ее творческой жизни, больше всего запоминались слова: «...Мы с тобой, дядя, милый дядя, увидим жизнь светлую, прекрасную, изысканную, мы обрадуемся и на теперешние наши несчастья оглянемся с умилением, с улыбкой и отдохнем. Я верую, дядя, верую горячо, страстно...»

Это было в выпускном спектакле Ленинградского театрального института «Дядя Ваня». За семь лет, прошедшие с того времени, Мамаева сыграла немало ролей. Среди них были скорбные и лирические героини шекспировских трагедий, и стыдливые девушки Островского, и советские подростки, прямо и открыто глядящие в будущее.

Первая и во многом решающая пора творческого становления Мамаевой нерасторжимо связана с Ленинградским театром юных зрителей. Этот театр, ставший для многих поколений ленинградцев школой жизни, был подлинной школой и для начинающей актрисы. Многие из героинь Мамаевой на тизювской сцене были бесконечно близки зрителям тем, что вместе с ними они познавали сложные жизненные противоречия, безбоязненно проверяли себя, свои поступки и мысли.

Именно в этих и нескольких других образах советских подростков проявились самые привлекательные, глубоко современные черты дарования Мамаевой. Созданные под руководством режиссера Л. Макарьева, бывшего и в институте (вместе с А. Авербух) педагогом будущей актрисы, эти законченные поэтические портреты воссоздавали движение, духовное созревание подрастаю-

щего человека. Как бы схваченные в сложную пору перехода от детства к юности, они пленяли невыдуманной свежестью впечатлений, трепетом распускающейся жизни. Но вместе с новыми впечатлениями бытия они постигали и значение долга, мужества, ответственности перед окружающими.

В образе Вики, созданном Мамаевой, не было ничего приподнятого, героического. Но когда она внезапно и вдохновенно решалась заменить докладчика, чуть не сорвавшего школьный первомайский вечер, верилось, что она так же просто и так же бескомпромиссно решится на любой подвиг, если он понадобится людям.

Беспрдельного мужества полна и Люся Шарова в исполнении Мамаевой. Столько твердости воли, веры, стойкого упорства в этой тоненькой, задумчивой девочке, побеждающей и свою болезнь, и свою слабость, что не слезы сочувствия, а уважение, гордость за душевные силы человека рождаются у зрителя.

Сложный путь совершает в своей сценической биографии Наташа Соколова. Своевольная, лукавая, озорная, полная неожиданностей, как ее рисует Мамаева, она, казалось, соединяет детское неведение со страстной жаждой познания, активного вторжения в мир. Ей до всего дело, и во все она вмешивается, не размышляя, с наивной убежденностью в своей правоте.

«Я хочу работать с вами», — говорит Наташа только что встреченному инженеру Ветрову. «Что я должна для этого сделать?» В школьном форменном платье, с упорно закинутой головой, выслуши-

вает она предложение написать заявление от имени инженера Соколовой: «Только я ведь еще не инженер», — говорит Наташа, и такая непреодолимая сила мечты в ее интонации, в ее жесте, пытливым взгляде, будто нет для нее сейчас невозможного, чтобы получить право строить плотину, задуманную Ветровым для блага человека. «К тому времени, когда начнем строить, — будешь инженером. Будешь, а?» — спрашивает Ветров. И, словно изменив расстояние, отделяющее ее от этой мечты, уже не озорная и нежного самоуверенная девочка, а как человек, принимающий важное жизненное решение, отвечает Наташа: «Буду».

Полна глубокого смысла сцена с Барыбиным, ради которого она взяла без спроса катер и потерпела аварию, едва не стоившую ей жизни. «Что ты со мной делаешь?.. Я не собираюсь отвечать за твою глупость», — говорит перепуганный и жалкий Барыбин. Долго длится молчание, прерываемое бурным ливнем. Медленно, почти торжественно, голосом, в котором слышится презрение и недетская суровость и горечь оскорбленной веры в человека, Наташа отвечает: «Не волнуйтесь, Вадим, вам не придется отвечать».

Сколько бы ни совершила еще ошибок Наташа Соколова, вы твердо знаете, что она никогда не спрячется от ответственности, как Барыбин, никогда не простит себе самой маленькой трусости, самой ничтожной душевной сделки.

Эту бескомпромиссность, эту отвагу юности, которые так привлекали в портретах подростков, созданных Мамаевой, актриса принесла

на сцену из живых впечатлений действительности. Именно эти качества видела она в своих недавних сверстниках. Такие же Люся и Наташа Соколовы сидели с ней на партах; такие же вчерашние школьники без жалоб и упреков выполняли рядом с ней на военном заводе в Новосибирске нелегкую мужскую работу или шли по развороченным дорогам войны. Это у них научилась Мамаева ответственности, которая превращает художника, по выражению Чехова, в «человека обязанного, законтрактованного сознанием своего долга и совести». О пути таланта, о назначении и призвании человека, как понимал его Чехов, взволнованно рассказывала советская актриса Мамаева в «Чайке», поставленной недавно Академическим театром драмы имени А. С. Пушкина.

Почему так бесконечно близок нам Чехов? Не потому ли, что в его творчестве всегда горит скрытый факел надежды, что его мечта о будущем соприкасается с нашей действительностью, что в его поэзии неутолим дух веры? В Нине Заречной — Мамаевой дорога не «оскорбленная жизнью женская душа», но прежде всего трудные поиски своего пути, победа художника, определившего свою жизненную цель.

К этому высшему пониманию человеческого счастья Заречная — Мамаева приходит не сразу и нелегко. Ее Нина в первых актах открыто смотрит на мир. Звуки голосов, шум ветра, расцветающее дерево, зарождение любви — все для нее полно увлекательной новизны. Она как бы вплетает в себя то, что открывают ей люди. С какой изумленной доверчивостью, с каким взволнованным ожиданием вслушивается она в монолог Тригорина о творчестве.

«За такое счастье, как быть писательницей или артисткой, я перенесла бы нелюбовь близких, нужду, разочарование...» Она слегка при-

жимает руку к сердцу и отводит ее, словно вырывая этим жестом тайну своего сердца и протягивая ее Тригорину. Не восторженный лепет провинциальной девочки слышится в ее словах. Это предчувствие будущего, готовность вступить в борьбу, почти обет.

Почему так светло и мажорно звучит в ее исполнении последний акт спектакля? Вовсе не потому, что Мамаева отмахнулась от страданий Заречной или облегчила ее трудный путь. Мамаева и режиссер Л. Вивьен не снимают драматизма этой финальной сцены. Сдержанная тревога в мягкой полутьме комнаты, в тоскливом шуме дождя, в мокрых листьях, одиноко падающих на ступени террасы. Тревожен и силуэт Заречной за дверью, похожий на большую смятенную птицу, которая бьется в стекла. «Я чайка», — сдавленно, как тайный вопль, как стои, вырывается у нее. И тотчас отмахивается она от этого навязчивого образа. «Не то». Да, не то. Она проводит ладонью по лбу, словно снимая с него утомительный груз воспоминаний. «О чем я?.. я говорю о сцене».

Когда Заречная — Мамаева говорит о сцене, о своем призвании, она побеждает и боль, и усталость, и неразделенную любовь. Когда, уходя, она повторяет слова монолога из первого акта, в них горькая ирония и мелькнувшее сожаление о ясной, теплой, радостной жизни, которая уже не вернется, и больше всего сознание, что этот тихий мир личного счастья уже невозможен для нее, узнавшей вдохновенное счастье творчества. Недаром Треплев печально соглашается: «Вы нашли свою дорогу». Пусть эта дорога крута и камениста, Заречная — Мамаева смело пойдет по ней, потому что она верит в будущее и, когда «думает о своем призвании, то не боится жизни».

Ничего не упрощая в сложном чеховском образе, Мамаева сумела взглянуть на него свежими, нынешними очами. Поэтому не страница прошлого открылась нам в ее «Чайке», а волнующая, живая и сегодня поэтическая мысль.

Нет, вовсе не познавательный интерес вызывает в нас и Офелия в исполнении Мамаевой. Мы следим за ней с волнением и гневом, как будто нас непосредственно затрагивает ее трагическая судьба. Облик ее в спектакле прост и изыскан. Жизнь только коснулась ее своим суровым дыханием. Она верила всем, и в каждом человеческом поступке ей виделось только хорошее. Отчаяние первого познания в ее тихой, слегка укоряющей интонации, когда она говорит Гамлету, заявившему, что он не любил ее: «Тем больше я обманулась».

Крушение любви передается Мамаевой сдержанно, скромно. Она как будто не понимает еще, не хочет верить тому, что ее могли обмануть. Когда в сцене мышеловки Полоний насильно уводит ее, она встревоженно мечется широкими кругами, пытается вернуться к Гамлету. К сожалению, эта бессловесная реплика не может заменить вычеркнутый в спектакле монолог Офелии, начинающийся словами: «Какого обаяния ум погиб!». Этот монолог, открывающий, как глубоко понимала Офелия могучую натуру Гамлета, только усилил бы трагизм наступившего безумия.

Сцена безумия сыграна актрисой с предельной правдивостью. Глаза Офелии с прежней доверчивостью обращены к людям, но в этих глазах уже мечутся беспокойные огоньки. Воображение и действительность перепутались в ней. Наклонилась, сорвала несуществующие цветы, тщательно приладила их к волосам, взметнулась в кресло, вскинула ру-

ки и легко, легко, с каким-то неизяемым грустным весельем окомандовала: «Поворачивай, моя карета». Потом так же легко соскользнула на пол, прильнула к косматой шкуре, огляделась и монотонно, встревоженно повторила: «Спокойной ночи, леди, спокойной ночи...» И эта неосознанная жалоба, и песенка, исполненная голосом, прозрачным и ломким, как первый лед, и гранича бессмысленных движений передали драматизм юной судьбы, сложенной миром произвола и насилия.

От актера Чехов требовал, чтобы он выражал страдания так, «как они выражаются в жизни, то есть не ногами, не руками, а тоном, взглядом; не жестикуляцией, а грацией». Именно это удалось Мамаевой в роли Офелии. Вообще ее искусству близок не жаркий пламень страстей, а скрытое душевное мужество, непрерывное излучение жизненного тепла. Может быть, поэтому актриса никогда не стремится принарядить духовный мир своих персонажей. Этот мир — емкий и зримый — возникает как бы сам собой в неподкупных оттенках чувств, в живой человеческой натуре.

Сценическим созданиям Мамаевой подчас не хватает еще мастерства выполнения, филигранной отделки, но замысел их всегда естественно вытекает из поэтических особенностей роли. В то же время он выражает ее собственное волнение, ее личное постижение создаваемого характера. Поэтому большинство сценических образов Мамаевой, при всем их несходстве, объединены темой духовного мужания и роста, темой становления человеческой личности. Поэтому и молодое искусство Мамаевой радует своей искренностью, глубоко современным содержанием, светлой поэтичностью, основанной на нерушимой вере в человека.

Р. БЕНЬЯШ